

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

Следующий год в Гаване

Когда мы покинули Кубу

Последний поезд на Ки-Уэст

ШАНЕЛЬ КЛИТОН

Последний
поезд на
Ки-Уэст

INSPIRIA

Москва
2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К49

Chanel Cleeton

THE LAST TRAIN TO KEY WEST

Copyright © 2020 by Chanel Cleeton

All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of
Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Перевод с английского Юлии Бугровой

Художественное оформление Екатерины Петровой

Клитон, Шанель.

К49 Последний поезд на Ки-Уэст / Шанель Клитон ; [перевод с английского Ю. Бугровой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-160686-2

В 1935 году мощнейший ураган во Флорида-Кис навсегда изменил жизни трех женщин. «Последний поезд на Ки-Уэст» — хроника удивительных женских судеб, разноцветная, многогранная и всеобъемлющая.

На острове Ки-Уэст всегда светит солнце, но иногда рай для одного человека — тюрьма для другого. Так было и с Хелен Бернер, мечтающей покинуть родную землю.

Мирта Перес вышла замуж по расчету, и вскоре после свадьбы пара отправилась в романтическое путешествие. Под палящим солнцем Флорида-Кис чувства Мирты распустились, подобно цветку.

А Элизабет Престон приехала в Ки-Уэст, чтобы спасти свою некогда богатую семью от краха.

Жизнь идет независимо от того, беспокоимся мы о ней или нет. Она неспроста связывает судьбы, и именно в те дни, предшествующие буре, Хелен, Мирта и Элизабет поняли, что у них гораздо больше общего, чем кажется.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Бугрова Ю., перевод на русский язык,
2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-160686-2

Моей семье, моим любимым...

Глава 1

Хелен.

Суббота, 31 августа 1935 года

Тысячу раз я представляла себе смерть мужа. Как правило, в этих грезах он гибнет в лодке: море волнуется, дует ветер, Том перевешивается через край, падает в воду, и его уносит сильным течением — голова мелькает в бирюзовом водовороте, лодка качается посреди океана, и вокруг нет ни души, и никто не придет на помощь.

Порой видение приходит ко мне, когда я занимаюсь домашними делами, скажем, развешиваю белье — белые простыни полощутся на ветру, и в воздухе пахнет щелоком, — или когда я жарю рыбу, которую Том ловит, выходя в море на «Хелен». С этим суденышком меня роднят два обстоятельства: имя и тот факт, что дни нашей славы давно миновали.

Бывает, эта греза приходит ко мне во сне, и, вздрогнув, я просыпаюсь, дышу тяжело и прерывисто, в унисон с храпящим рядом мужем, чья волосатая рука давит мне на поясницу, а смердящее джином дыхание обжигает шею.

Сегодня это сон, и, проснувшись, я не чувствую на себе тяжесть его руки: постель пуста, и только вмятина в матрасе на том месте, где лежал мой супруг.

Как я могла проспать?

Я быстро одеваюсь и бегу в ванную, надеясь за оставшееся время привести себя в порядок настолько, насколько это возможно. Именно утренние часы — время до того, как Том уходит в море, а солнце показывает свой лик, — определяют для нас дальнейшее течение дня. Если Том доволен, погода хорошая, рыбы много, а я все делаю как положено, то день будет сносным. Если Том недоволен...

К горлу подкатывает тошнота. Пульсирующая боль в животе отдает в спину, и я вжимаюсь в стену спальни. Малыш пихается, я провожу рукой вниз, чтобы почувствовать, как он шевелится. Последние несколько дней ребенок ведет себя активнее, вертится и пинается — прокладывает себе путь на белый свет, ведь срок уже не за горами.

Тошнота отступает, я выпрямляюсь, и боль проходит так же быстро, как и пришла.

Я выхожу из спальни в большую комнату — она же кухня и гостиная, — где за столом, задвинутым в угол, сидит Том.

Когда девять лет назад после свадьбы Том впервые привел меня сюда, дом казался идеальным местом для начала совместной жизни и создания семьи. Я до блеска оттерла каждый его уголок, и, несмотря на то что мебель была нам не по карману, я бродила по пляжам в поисках любопытных вещиц, брошенных на берегу лодочниками и контрабандистами, которые можно было бы использовать. Обеденный стол, над которым сейчас нависал Том, когда-то был ящиком, в котором, вероят-

но, во времена сухого закона перевозили контрабандный алкоголь.

Место, которое я когда-то прибирала с воодушевлением, окрыленная его возможностями, теперь выглядит как свидетельство краха, постигшего нас. Дом, с которым я связывала столько надежд, оказался еще одним обманутым ожиданием: в полу не хватает досок, снаружи облупилась краска, жилое пространство стало прибежищем всевозможных тварей и паразитов, которые забиваются во все щели, и единственным плюсом осталась близость к морю — до него метров пятнадцать, не больше.

Лодка Тома пришвартована в бухте неподалеку. Когда он в море, домик кажется уютным, надежно защищенным от внешнего мира зарослями мангровых деревьев. Когда он дома, это руки, смыкающиеся у меня на горле.

— Шторм идет, — раскатисто произносит Том, сидя ко мне спиной. Из-за ребенка моя походка стала тяжелее обычной и извещает о моем приближении прежде, чем я успеваю настроиться на контакт. Его стул стоит так, чтобы он мог обозреть с него океан за окном. Для рыбака погода — это все.

— На Багамах ливень, — добавляет он хриплым со сна голосом, в котором слышится та самая неопишуемая интонация, которая все росла с годами нашего брака. — В конце концов он сюда доберется.

В Томе меня привлекла эта его любовь к морю — капли воды на коже, привкус соли на губах при поцелуях украдкой, ветер в волосах и, когда он уходил на

лодке, — ощущение приключения. Тогда я была моложе: мне было всего пятнадцать, когда мы начали встречаться, шестнадцать — когда поженились, и меня привлекали, казалось, безобидные вещи — его большие ладони, мускулистые загорелые руки, широкие плечи, накачанные тасканием коробок и ящиков с сомнительным содержимым. Я думала, что с таким мужчиной буду в безопасности, но это оказалось еще одним обманутым ожиданием.

— Погода испортится? — спрашиваю я.

В нашем захолустье штормов хватает. Да, последнее время не случалось сильных гроз, но когда я была девочкой, по Ки-Уэст ударил страшный ураган. К счастью, обошлось без жертв, однако я до сих пор помню, как задувал ветер, а вода едва не поглотила дом моих родителей. Я была вне себя от ужаса.

— Да похоже, можно не беспокоиться, — отвечает Том. — Бюро погоды считает, как сказали по радио, что он пройдет мимо.

— Ты сегодня выходишь в море? — Я стараюсь говорить ровным голосом. Я уже уяснила, что настойчиво интересоваться тем, куда он пойдет и что будет делать, не стоит. В такие времена мужчина может решиться на что угодно, чтобы добыть пропитание.

Том утвердительно вздыхает.

Я прохожу к столешнице, стараясь ничего не задеть, но мое бедро врезается в плиту, и я спотыкаюсь о ящик со льдом на полу.

В тесном домишке и в тисках семейных уз приноравливаешься использовать физическое пространство в качестве своего рода защиты, обретаешь текучесть

и пластичность, чтобы прогибаться под чужую волю. Но сейчас мое тело изменилось, живот раздулся, ноги стали неуклюжими, и мне пришлось заново осваивать искусство занимать как можно меньше места — для себя и ребенка. Когда вас двое, трудно действовать быстро.

Я ставлю перед Томом завтрак.

Он хватает меня за запястье, сжимая его так, чтобы я поморщилась, но не настолько сильно, чтобы упала на колени. Состояние дома — не единственный показатель характера наших взаимоотношений. У нашего брака есть и другие отметины.

— Зачем тебе знать, пойду ли я сегодня в море? — требовательно спрашивает он.

— Я... испугалась. Если погода плохая, это будет опасно.

Он сжимает сильнее, впиваясь ногтями мне в кожу.

— Хочешь сказать, я плохо знаю море? Да я рыбачил в этих водах еще мальчишкой.

Кровь пульсирует в запястье, кожу обжигает боль, колени подкашиваются под тяжестью живота и из-за стискивающих руку пальцев.

Я цепляюсь другой рукой за край стола, стараясь не упасть.

— Я знаю. Это из-за малыша. Срок подходит, я нервничаю. Извини...

Боль нарастает, я уже не нахожу слов — бормочу что-то несвязное, лишь бы он отпустил меня — нас, — чтобы это не переросло во что-то другое, более ужасное, чем синяки на запястье.

— Женщины, — бормочет себе под нос Том и разжимает руку.

Запястье пульсирует, а он переключает внимание на еду, которую я ему приготовила.

Он впивается зубами в маисовую лепешку, и его ярость мгновенно улечивается.

Он быстро ест, а я, как обычно по утрам, вожусь на кухне и погружаюсь в привычную, как заношенное платье, грезу, но внешние шумы нарушают ее — скрежет вилки по тарелке, звук отодвигаемого стула, тяжелые шаги до двери, и вот я снова остаюсь одна в маленьком домике, стоящем на сваях.

Тяжело ступая по песчаной земле, я иду от дома к ресторану, где работаю официанткой, проходя мимо очереди мужчин, ищущих себе хоть какую-то подработку. Мне повезло, что во времена Великой депрессии у меня есть место у Руби — возможностей для трудоустройства очень мало, особенно для женщин. Но Руби верности не занимать, она поддерживала меня и в хорошие, и в трудные времена.

Будучи «самым южным городом», Ки-Уэст — самый крайний пункт следования, где вы еще можете ступить на землю Соединенных Штатов до того, как ваши ступни коснутся воды. Такая особенность положения привлекает самую разношерстную публику: бродяг, преступников, тех, кому нужно затеряться в толпе, и тех, кому хочется обрести родственную душу, словно здесь, на краю земли, все возможно — по крайней мере, для большинства из нас. Когда-то добраться сюда можно было только на лодке, а сейчас над морем проложена железная дорога, связывающая островки архипелага

Флорида-Кис с материком и Майами, общей протяженностью двести сорок километров, которые поезд преодолевает за несколько часов. Когда десятилетия назад Генри Флаглер, при жизни считавшийся одним из самых богатых людей в стране, заявил о своем амбициозном намерении, его подняли на смех. Но Флаглер упорствовал — строительство началось и обеспечило работой коренных кончи вроде моего отца, а также людей, приезжавших на архипелаг в поисках заработка, которые голыми руками укладывали рельсы Морской железной дороги.

«Эта дорога — одно из величайших человеческих творений, — говаривал мой отец. — Ты только представь, каково это — лететь над океаном в такой большой машине».

Мне не хватало воображения.

Что за люди мечтали возводить дороги над океаном? И что за люди по ним ездили?

Папа говорил, что в мире есть два типа людей: те, кто строит своими руками, и те, кто пользуется результатами их труда. Но потом случилась Великая депрессия и всех уравнила.

Когда-то давно, до моего рождения, Ки-Уэст был самым большим и богатым городом во Флориде. Но еще до того, как остальная страна почувствовала на себе последствия биржевого краха 1929 года, штат переживал кризис. Деньги и кредиты таяли, урожай цитрусовых был под угрозой. Сейчас люди остались без работы, в голоде и отчаянии, город оказался банкротом, воцарилась неразбериха, тысячи и тысячи отправляются на север в надежде на лучшую жизнь.

Федеральное правительство оказывает помощь. К примеру, для строительства нового шоссе, соединяющего острова Грасси-Ки и Лоуэр-Мэткемб, к нам направили солдат Первой мировой войны. Думается мне, все это, конечно, лучше, чем ничего, но все еще недостаточно.

На пересечении Трумбо-роуд и Кэролайн-стрит почти каждый день вот уже на протяжении последних девяти лет я прохожу мимо вокзала, за которым располагаются новые доки. «Паромная компания восточного побережья Флориды» совершает ежедневные рейсы до Гаваны на Кубе и обратно. Вагоны загружают на судно и вместе с пассажирами переправляют по морю. Несколько дней железнодорожного путешествия и несколько часов морского осуществляют мечту Флаглера о том, чтобы соединить Нью-Йорк с Гаваной.

Знакомая потрепанная вывеска попадает на глаза, когда я добираюсь до автостоянки возле ресторана Руби.

Близость к вокзалу и паромной пристани манит приезжих, а местных привлекает возможность поглазеть на прибывших и наесться по сходной цене. У Руби все почти идеально, и это видно сразу — обстановка простая, а порции большие. Это такое место, где с порога ясно, куда ты попал, — тут хорошо кормят, а атмосфера — дело десятое.

До середины дня поток посетителей не ослабевает, я перемещаюсь между столиками, спина все время ноет, ребенок давит на позвоночник. Когда выдается свободная минутка, я стою в служебном помещении, приwallившись спиной к стене, чтобы уменьшить давление.

От запахов из кухни меня мутит, но главная проблема на этом сроке — снизить нагрузку на ноги, остальное почти неважно.

Громко звякает колокольчик — входная дверь с треском открывается, хлипкой деревянной конструкции не под силу тягаться со здоровенным мужиком, который держится за ручку. Головы поворачиваются, шум заглушает звуки кухни и голоса посетителей. Здоровяк, слегка покраснев, протискивается в дверь и аккуратно притворяет ее за собой.

Я наперед знаю, чей столик он займет. Последние несколько месяцев он регулярно объявляется в ресторане, правда, сидит в углу и держится особняком. Мне известно только то, что его зовут Джон, но и это он сообщил с большой неохотой.

— А вот и твой любимый посетитель, — подмигивает мне из кухни Руби, вытирая руки о фартук. Таких работодателей, как она и ее муж, еще поискать. Учтивая, какие сейчас трудные времена, они платят хорошо и имеют привычку присматривать за персоналом из кухни. Если посетитель ведет себя слишком развязно или буйно, Руби и Макс всегда готовы вмешаться. Общительной ее не назовешь, она предпочитает заниматься стряпней, а приветливость и услужливость оставлять официанткам, нам с Сэнди, однако за эти годы она стала мне больше чем просто начальником — пожалуй, ее можно назвать подругой.

— Должно быть, была получка — в эти выходные народ валом валит. Он, судя по виду, проголодался, — добавляет она.